

СОНЕТЫ

ПЕРЕВОД

С. Я. МАРШАКА

1

Мы урожая ждем от лучших лоз,
Чтоб красота жила, не увядая.
Пусть вянут лепестки созревших роз»
Хранит их память роза молодая.

А ты, в свою влюбленный красоту,
Все лучшие ей отдавая соки,
Обилье превращаешь в нищету,
Свой злейший враг, бездушный и жестокий.

Ты – украшение нынешнего дня,
Недолговременной весны глашатай, –
Грядущее в зачатке хороня,
Соединяешь скардность с растратой.

Жалея мир, земле не предавай
Грядущих лет прекрасный урожай!

2

Когда твое чело избородят
Глубокими следами сорок зим, –
Кто будет помнить царственный наряд,
Гнушаясь жалким рубищем твоим?

И на вопрос: «Где прячутся сейчас
Остатки красоты веселых лет?» –

Что скажешь ты? На дне угасших глаз?
Но злой насмешкой будет твой ответ.
Достойней прозвучали бы слова:
«Вы посмотрите на моих детей.
Моя былая свежесть в них жива.
В них оправданье старости моей».

Пускай с годами стынувшая кровь
В наследнике твоём пылает вновь!

3

Прекрасный облик в зеркале ты видишь,
И, если повторить не поспешишь
Свои черты, природу ты обидишь,
Благословенья женщину лишишь.

Какая смертная не будет рада
Отдать тебе нетронутую новь?
Или бессмертия тебе не надо –
Так велика к себе твоя любовь?

Для материнских глаз ты – отраженье
Давно промчавшихся апрельских дней.
И ты найдешь под старость утешенье
В таких же окнах юности твоей.

Но, ограничив жизнь своей судьбою,
Ты сам умрешь, и образ твой с тобою.

4

Растратчик милый, расточаешь ты
Свое наследство в буйстве сумасбродном.
Природа нам не дарит красоты,
А в долг даст - свободная свободным.

Прелестный скряга, ты присвоить рад
То, что дано тебе для передачи.
Несчитанный ты укрываешь клад,
Не становясь от этого богаче.

Ты заключаешь сделки сам с собой,
Себя лишая прибылей богатых.
И в грозный час, назначенный судьбой,

Какой отчет отдашь в своих растратах?

С тобою образ будущих времен,
Невоплощенный, будет погребен.

5

Украдкой время с тонким мастерством
Волшебный праздник создает для глаз.
И то же время в беге круговом
Уносит всё, что радовало нас.

Часов и дней безудержный поток
Уводит лето в сумрак зимних дней,
Где нет листвы, застыл в деревьях сок,
Земля мертва, и белый плащ на ней.

И только аромат цветущих роз,
Летучий пленник, запертый в стекле,
Напоминает в стужу и мороз
О том, что лето было на земле.

Свой прежний блеск утратили цветы,
Но сохранили душу красоты.

522

6

Смотри же, чтобы жесткая рука
Седой зимы в саду не побывала,
Пока не соберешь цветов, пока
Весну не сохранишь на дне фиала.

Как человек, что драгоценный вклад
С лихвой обильной получил обратно,
Себя себе вернуть ты будешь рад
С законной прибылью десятикратной.

Ты будешь жить на свете десять раз,
Десятикратно в детях повторенный,
И вправе будешь в свой последний час
Торжествовать над смертью покоренной.

Ты слишком щедро одарен судьбой,
Чтоб совершенство умерло с тобой.

7

Пылающую голову рассвет
Приподымает с ложа своего,

И всё земное шлет ему привет,
Лучистое встречая божество.

Когда в расцвете сил, в полдневный час,
Светило смотрит с вышины крутой, –
С каким восторгом миллионы глаз
Следят за колесницей золотой!

Когда же солнце завершает круг
И катится устало на закат,
Глаза его поклонников и слуг
Уже в другую сторону глядят.

Оставь же сына, юность хороня.
Он встретит солнце завтрашнего дня.

523

8

Ты – музыка, но звукам музыкальным
Ты внемлешь с непонятною тоской.
Зачем же любишь то, что так печально,
Встречаешь муку радостью такой?

Где тайная причина этой муки?
Не потому ли грустью ты объят,
Что стройно согласованные звуки
Упреком одиночеству звучат?

Прислушайся, как дружественно струны
Вступают в строй и голос подают, –
Как будто мать, отец и отрок юный
В счастливом единении поют.

Нам говорит согласие струн в концерте,
Что одинокий путь подобен смерти.

9

Должно быть, опасаясь вдовьих слез,
Ты не связал себя ни с кем любовью.
Но если б грозный рок тебя унес,
Весь мир надел бы покрывало вдовье.

В своем ребенке скорбная вдова
Любимых черт находит отраженье.
А ты не оставляешь существа,
В котором свет нашел бы утешенье.

Богатство, что растрчивает мот,
Меняя место, в мире остается.
А красота бесследно промелькнет,
И молодость, исчезнув, не вернется.

Кто предает себя же самого –
Не любит в этом мире никого!

524

10

По совести скажи: кого ты любишь?
Ты знаешь, любят многие тебя.
Но так беспечно молодость ты губишь,
Что ясно всем, – живешь ты, не любя.

Свой лютый враг, не зная сожаленья,
Ты разрушаешь тайно день за днем
Великолепный, ждущий обновленья,
К тебе в наследство перешедший дом.

Переменись – и я прощу обиду,
В душе любовь, а не вражду пригрей.
Будь так же нежен, как прекрасен с виду,
И стань к себе щедрее и добрей.

Пусть красота живет не только ныне,
Но повторит себя в любимом сыне!

11

Мы вянем быстро – так же, как растем,
Растем в потомках, в новом урожае.
Избыток сил в наследнике твоём
Считай своим, с годами остывая.

Вот мудрости и красоты закон.
А без него дарили бы на свете
Безумье, старость до конца времен,
И мир исчез бы в шесть десятилетий.

Пусть тот, кто жизни и земле не мил, –
Безликий, грубый, – гибнет невозвратно.
А ты дары такие получил,
Что возратить их можешь многократно.

Ты вырезан искусно, как печать,
Чтобы векам свой оттиск передать.

12

Когда часы мне говорят, что свет
 Потонет скоро в грозной тьме ночной,
 Когда Фиалки вянет нежный цвет
 И темный локон блещет сединой,

Когда листва несется вдоль дорог,
 В полдневный зной хранившая стада,
 И нам кивает с погребальных дроб
 Седых снопов густая борода, –

Я думаю о красоте твоей,
 О том, что ей придется отцвести,
 Как всем цветам лесов, лугов, полей,
 Где новое готовится расти.

Но если смерти серп неумолим,
 Оставь потомков, чтобы спорить с ним!

13

Не изменяйся, будь самим собой.
 Ты можешь быть собой, пока живешь.
 Когда же смерть разрушит образ твой,
 Пусть будет кто-то на тебя похож.

Тебе природой красота дана
 На очень краткий срок, и потому
 Пускай по праву перейдет она
 К наследнику прямому твоему.

В заботливых руках прекрасный дом
 Не дрогнет перед натиском зимы,
 И никогда не воцарится в нем
 Дыханье смерти, холода и тьмы.

О пусть, когда настанет твой конец,
 Звучат слова: «Был у меня отец!»

14

Я не по звездам о судьбе гадаю,
 И астрономия не скажет мне,
 Какие звезды в небе к урожаю,

К чуме, пожару, голоду, войне.

Не знаю я, ненастье иль погоду
Сулит зимой и летом календарь,
И не могу судить по небосводу,
Какой счастливей будет государь.

Но вижу я в твоих глазах предвестье,
По неизменным звездам узнаю,
Что правда с красотой пребудут вместе,
Когда продлишь в потомках жизнь свою.

А если нет, – под гробовой плитою
Исчезнет правда вместе с красотой.

15

Когда подумаю, что миг единый
От увяданья отделяет рост,
Что этот мир – подмостки, где картины
Сменяются под волхвованье звезд,

Что нас, как всходы нежные растений,
Растят и губят те же небеса,
Что смолоду в нас бродит сок весенний,
Но вянет наша сила и краса, –

О, как я дорожу твоей весною,
Твоей прекрасной юностью в цвету,
А время на тебя идет войною
И день твой ясный гонит в темноту.

Но пусть мой стих, как острый нож садовый,
Твой век возобновит прививкой новой.

527

16

Но если время нам грозит осадой,
То почему в расцвете сил своих
Не защитишь ты молодость оградой
Надежнее, чем мой бесплодный стих?

Вершины ты достиг пути земного,
И столько юных девственных сердец
Твой нежный облик повторить готовы,
Как не повторит кисть или резец.

Так жизнь исправит всё, что изувечит.

И если ты любви себя отдашь,
Она тебя верней увековечит,
Чем этот беглый, хрупкий карандаш.

Отдав себя, ты сохранишь навеки
Себя в создании новом – в человеке.

17

Как мне уверить в доблестях твоих
Тех, до кого дойдет моя страница?
Но знает бог, что этот скромный стих
Сказать не может больше, чем гробница.

Попробуй я оставить твой портрет,
Изобразить стихами взор чудесный, –
Потомок только скажет: «Лжет поэт,
Придав лицу земному свет небесный!»

И этот старый, пожелтевший лист
Отвергнет он, как болтуна седого,
Сказав небрежно: «Старый плут речист,
Да правды нет в его речах ни слова!»

Но доживи твой сын до этих дней,
Ты жил бы в нем, как и в строфе моей.

528

18

Сравню ли с летним днем твои черты?
Но ты милей, умеренней и краше.
Ломает буря майские цветы.
И так недолговечно лето наше!

То нам слепит глаза небесный глаз,
То светлый лик скрывает непогода.
Ласкает, нежит и терзает нас
Своей случайной прихотью природа.

А у тебя не убывает день,
Не увядает солнечное лето.
И смертная тебя не скроет тень –
Ты будешь вечно жить в строках поэта.

Среди живых ты будешь до тех пор,
Доколе дышит грудь и видит взор.

19

Ты притупи, о время, когти льва,
Клыки из пасти леопарда рви,
В прах обрати земные существа
И феникса сожги в его крови.

Зимою, летом, осенью, весной
Сменяй улыбкой слезы, плачем – смех.
Что хочешь, делай с миром и со мной,
Один тебе я запрещаю грех.

Чело, ланиты друга моего
Не борозди тупым своим резцом,
Пускай черты прекрасные его
Для всех времен послужат образцом.

А коль тебе не жаль его ланит,
Мой стих его прекрасным сохранит.

529

20

Лик женщины, но строже, совершенней
Природы изваяло мастерство.
По-женски ты красив, но чужд измене,
Царь и царица сердца моего.

Твой нежный взор лишен игры лукавой,
Но золотит сияньем всё вокруг.
Он мужествен и властью величавой
Друзой пленяет и разит подруг.

Тебя природа женщиною милой
Задумала, но, страстью пленена,
Она меня с тобою разлучила,
А женщин осчастливила она.

Пусть будет так. Но вот мое условие:
Люби меня, а их дари любовью.

21

Не соревнуюсь я с творцами од,
Которые раскрашенным богиням
В подарок преподносят небосвод
Со всей землей и океаном синим.

Пускай они для украшения строф
Твердят в стихах, между собою споря,
О звездах неба, о венках цветов,

О драгоценностях земли и моря.

В любви и в слове – правда мой закон,
И я пишу, что милая прекрасна,
Как все, кто смертной матерью рожден,
А не как солнце или месяц ясный.

Я не хочу хвалить любовь мою.
Я никому ее не продаю!

530

22

Лгут зеркала, – какой же я старик!»
Я молодость твою делю с тобою,
Но если дни избородят твой лик,
Я буду знать, что побежден судьбою.

Как в зеркало, глядясь в твои черты,
Я самому себе кажусь моложе,
Мне молодое сердце даришь ты,
И я тебе свое вручаю тоже.

Старайся же себя оберегать
Не для себя: хранишь ты сердце друга.
А я готов, как любящая мать,
Беречь твое от горя и недуга.

Одна судьба у наших двух сердец:
Замрет мое – и твоему конец!

23

Как тот актер, который, оробев,
Теряет нить давно знакомой роли,
Как тот безумец, что, впадая в гнев,
В избытке сил теряет силу воли, –

Так я молчу, не зная, что сказать,
Не оттого, что сердце охладело.
Нет, на мои уста кладет печать
Моя любовь, которой нет предела.

Так пусть же книга говорит с тобой.
Пускай она, безмолвный мой ходатай,
Идет к тебе с признаньем и мольбой
И справедливой требует расплаты.

Прочтешь ли ты слова любви немой?

24

Мой глаз гравером стал и образ твой
Запечатлел в моей груди правдиво.
С тех пор служу я рамою живой,
А лучшее в искусстве – перспектива.

Сквозь мастера смотри на мастерство,
Чтоб свой портрет увидеть в этой раме.
Та мастерская, что хранит его,
Застеклена любимыми глазами.

Мои глаза с твоими так дружны:
Моими я тебя в душе рисую.
Через твои с небесной вышины
Заглядывает солнце в мастерскую.

Увы, моим глазам через окно
Твое увидеть сердце не дано.

25

Кто под звездой счастливою рожден, –
Гордится славой, титулом и властью.
А я судьбой скромнее награжден,
И для меня любовь – источник счастья.

Под солнцем пышно листья распростер
Наперсник принца, ставленник вельможи.
Но гаснет солнца благосклонный взор,
И золотой подсолнух гаснет тоже.

Военачальник, баловень побед,
В бою последнем терпит поражение,
И всех его заслуг потерян след.
Его удел – опала и забвенье.

Но нет угрозы титулам моим
Пожизненным: любил, люблю, любим.

Покорный данник, верный королю,
Я, движимый почтительной любовью,
К тебе посольство письменное шлю,
Лишенное красот и острословья.

Я не нашел тебя достойных слов.
Но, если чувства верные оценишь,
Ты этих бедных и нагих послов
Своим воображением оденешь.

А может быть, созвездья, что ведут
Меня вперед неведомой дорогой,
Нежданный блеск и славу придадут
Моей судьбе, безвестной и убогой.

Тогда любовь я покажу свою,
А до поры во тьме ее таю.

27

Трудами изнурен, хочу уснуть,
Блаженный отдых обрести в постели.
Но только лягу, вновь пускаюсь в путь –
В своих мечтах – к одной и той же цели.

Мои мечты и чувства в сотый раз
Идут к тебе дорогой пилигрима,
И, не смыкая утомленных глаз,
Я вижу тьму, что и слепому зрима.

Усердным взором сердца и ума
Во тьме тебя ищу, лишенный зренья.
И кажется великолепной тьма,
Когда в нее тыходишь светлой тенью.

Мне от любви покоя не найти.
И днем и ночью – я всегда в пути.

533

28

Как я могу усталость превозмочь,
Когда лишен я благости покоя?
Тревоги дня не облегчает ночь,
А ночь, как день, томит меня тоскою.

И день и ночь – враги между собой –
Как будто подают друг другу руки.
Тружусь я днем, отвергнутый судьбой,

А по ночам не сплю, грустя в разлуке.

Чтобы к себе расположить рассвет,
Я сравнивал с тобою день погожий
И смуглой ночи посылал привет,
Сказав, что звезды на тебя похожи.

Но всё трудней мой следующий день,
И всё темней грядущей ночи тень.

29

Когда в раздоре с миром и судьбой,
Припомнив годы, полные невзгод,
Тревожу я бесплодную мольбой
Глухой и равнодушный небосвод

И, жалуясь на горестный удел,
Готов меняться жребием своим
С тем, кто в искусстве больше преуспел,
Богат надеждой и людьми любим, —

Тогда, внезапно вспомнив о тебе,
Я малодушье жалкое кляню,
И жаворонком, вопреки судьбе,
Моя душа несется в вышину.

С твоей любовью, с памятью о ней
Всех королей на свете я сильнее.

534

30

Когда на суд безмолвных, тайных дум
Я вызываю голоса бывшего, —
Утраты все приходят мне на ум,
И старой болью я болею снова.

Из глаз, не знавших слез, я слезы лью
О тех, кого во тьме таит могила,
Ищу любовь погибшую свою
И всё, что в жизни мне казалось мило.

Веду я счет потерянному мной
И ужасаюсь вновь потере каждой,
И вновь плачу я дорогой ценой
За то, за что платил уже однажды!

Но прошлое я нахожу в тебе

И всё готов простить своей судьбе.

31

В твоей груди я слышу все сердца,
Что я считал сокрытыми в могилах.
В чертах прекрасных твоего лица
Есть отблеск лиц, когда-то сердцу милых.

Немало я над ними пролил слез,
Склоняясь ниц у камня гробового.
Но, видно, рок на время их унес, –
И вот теперь встречаемся мы снова.

В тебе нашли последний свой приют
Мне близкие и памятные лица,
И все тебе с поклоном отдают
Моей любви растроченной частицы.

Всех дорогих в тебе я нахожу
И весь тебе – им всем – принадлежу.

535

32

О, если ты тот день переживешь,
Когда меня накроет смерть доскою,
И эти строчки бегло перечтешь,
Написанные дружеской рукою, –

Сравнишь ли ты меня и молодежь?
Ее искусство выше будет вдвое.
Но пусть я буду по-милу хорош
Тем, что при жизни полон был тобою.

Ведь если бы я не отстал в пути,
С растущим веком мог бы я расти
И лучшие принес бы посвященья
Среди певцов иного поколенья.

Но так как с мертвым спор ведут они, —
Во мне любовь, в них мастерство цени!

33

Я наблюдал, как солнечный восход
Ласкает горы взором благосклонным,
Потом улыбку шлет лугам зеленым
И золотит поверхность бледных вод.

Но часто позволяет небосвод
Слоняться тучам перед светлым тронном.
Они ползут над миром омраченным,
Лишая землю царственных щедрот.

Так солнышко мое взошло на час,
Меня дарами щедро осыпая.
Подкралась туча хмурая, слепая,
И нежный свет любви моей угас.

Но не ропщу я на печальный жребий, —
Бывают тучи на земле, как в небе.

536

34

Блистательный мне был обещан день,
И без плаща я свой покинул дом.
Но облаков меня догнала тень,
Настигла буря с градом и дождем.

Пускай потом, пробившись из-за туч,
Коснулся нежно моего чела,
Избитого дождем, твой кроткий луч, —
Ты исцелить мне раны не могла.

Меня не радует твоя печаль,
Раскаянье твое не веселит.
Сочувствие обидчика едва ль
Залечит язвы жгучие обид.

Но слез твоих, жемчужных слез ручьи,
Как ливень, смыли все грехи твои.

35

Ты не грусти, сознав свою вину.
Нет розы без шипов; чистейший ключ
Мутят песчинки; солнце и луну
Скрывает тень затмения или туч.

Мы все грешны, и я не меньше всех
Грешу в любой из этих горьких строк,
Сравненьями оправдывая грех,
Прощая незаконно твой порок.

Защитником я прихожу на суд,
Чтобы служить враждебной стороне.
Моя любовь и ненависть ведут

Войну междоусобную во мне.

Хоть ты меня ограбил, милый вор,
Но я делю твой грех и приговор.

537

36

Признаюсь я, что двое мы с тобой,
Хотя в любви мы существо одно.
Я не хочу, чтоб мой порок любой
На честь твою ложился, как пятно.

Пусть нас в любви одна связует нить,
Но в жизни горечь разная у нас.
Она любовь не может изменить,
Но у любви крадет за часом час.

Как осужденный, права я лишен
Тебя при всех открыто узнавать,
И ты принять не можешь мой поклон,
Чтоб не легла на честь твою печать.

Ну что ж, пускай... Я так тебя люблю,
Что весь я твой и честь твою делю!

37

Как радуется отца на склоне дней
Наследников отвага молодая,
Так правдою и славою твоей
Любуюсь я, бесславно увядая.

Великодушие, знатность, красота,
И острый ум, и сила, и здоровье –
Едва ль не каждая твоя черта
Передается мне с твоей любовью.

Не беден я, не слаб, не одинок,
И тень любви, что на меня ложится,
Таких щедрот несет с собой поток,
Что я живу одной ее частицей.

Всё, что тебе могу я пожелать,
Нисходит от тебя, как благодать.

538

Неужто музе нехватает темы,
 Когда ты можешь столько подарить
 Чудесных дум, которые не все мы
 Достойны на бумаге повторить.

И если я порой чего-то стою,
 Благодарю себя же самого.
 Тот поражен душевной немотою,
 Кто в честь твою не скажет ничего.

Для нас ты будешь музою десятой
 И в десять раз прекрасней остальных,
 Чтобы стихи, рожденные когда-то,
 Мог пережить тобой внушенный стих.

Пусть будущие славят поколения
 Нас за труды, тебя – за вдохновенье.

О, как тебе хвалу я воспою,
 Когда с тобой одно мы существо?
 Нельзя же славить красоту свою,
 Нельзя хвалить себя же самого.

Затем-то мы и существуем врозь,
 Чтоб оценил я прелесть красоты
 И чтоб тебе услышать довелось
 Хвалу, которой стоишь только ты.

Разлука тяжела нам, как недуг,
 Но временами одинокий путь
 Счастливейшим мечтам дает досуг
 И позволяет время обмануть.

Разлука сердце делит пополам,
 Чтоб славить друга легче было нам.

Все страсти, все любви мои возьми –
 От этого приобретешь ты мало.
 Всё, что любовью названо людьми,
 И без того тебе принадлежало.

Тебе, мой друг, не ставлю я в вину,

Что ты владеешь тем, чем я владею.
Нет, я в одном тебя лишь упрекну, –
Что пренебрег любовью ты моею.

Ты нищего лишил его сумы.
Но я простил пленительного вора.
Любви обиды переносим мы
Трудней, чем яд открытого раздора.

О ты, чье зло мне кажется добром,
Убей меня, но мне не будь врагом.

41

Беспечные обиды юных лет,
Что ты наносишь мне, не зная сам,
Когда меня в твоём сознание нет, —
К лицу твоим летам, твоим чертам.

Приветливый, – ты лестью окружен,
Хорош собой, – соблазну ты открыт.
А перед лаской искушенных жен
Сын женщины едва ли устоит.

Но жалко, что в избытке юных сил
Меня не обошел ты стороной
И тех сердечных уз не пощадил,
Где должен был нарушить долг двойной.

Неверную своей красой пленя,
Ты дважды правду отнял от меня.

540

42

Полгоря в том, что ты владеешь ею,
Но сознавать и видеть, что она
Тобой владеет, – вдвое мне больнее,
Твоей любви утрата мне страшна.

Я сам для вас придумал оправданье:
Любя меня, ее ты полюбил.
А милая тебе дарит свиданья
За то, что ты мне бесконечно мил.

И если мне терять необходимо,
Свои потери вам я отдаю:
Ее любовь нашел мой друг любимый,
Любимая нашла любовь твою.

Но если друг и я – одно и то же,
То я, как прежде, ей всего дороже.

43

Смежая веки, вижу я острей.
Открыв глаза, гляжу, не замечая.
Но светел темный взгляд моих очей,
Когда во сне к тебе их обращаю.

И если так светла ночная тень –
Твоей неясной тени отражение, –
То как велик твой свет в лучистый день,
Насколько явь светлее сновиденья!

Каким бы счастьем было для меня –
Проснувшись утром, увидеть воочью
Тот ясный лик в лучах живого дня,
Что мне светил туманно мертвой ночью.

День без тебя казался ночью мне,
А день я видел по ночам во сне.

541

44

Когда бы мыслью стала эта плоть, -
О, как легко, наперекор судьбе,
Я мог бы расстоянье побороть
И в тот же миг перенестись к тебе.

Будь я в любой из отдаленных стран,
Я миновал бы тридевять земель.
Пересекают мысли океан
С той быстротой, с какой наметят цель.

Пускай моя душа – огонь и дух,
Но за мечтой, родившейся в мозгу,
Я, созданный из элементов двух –
Земли с водой, - угнаться не могу.

Земля, – к земле навеки я прирос.
Вода, – я лью потоки горьких слез.

45

Другие две основы мирозданья –
Огонь и воздух – более легки.
Дыханье мысли и огонь желанья

Я шлю к тебе пространству вопреки.

Когда они – две вольные стихии –
К тебе любви посольством улетят,
Со мною остаются остальные
И тяжестью мне душу тяготят.

Тоскую я, лишенный равновесья,
Пока стихии духа и огня
Ко мне обратно не примчатся с вестью,
Что друг здоров и помнит про меня.

Как счастлив я! Но вновь через мгновенье
Летят к тебе и мысли и стремленья.

542

46

Мой глаз и сердце – издавна в борьбе:
Они тебя не могут поделить.
Мой глаз твой образ требует себе,
А сердце в сердце хочет утаить.

Клянется сердце верное, что ты
Невидимо для глаз хранишься в нем.
А глаз уверен, что твои черты
Хранит он в чистом зеркале своем.

Чтоб рассудить междоусобный спор,
Собрались мысли за столом суда
И помирить решили ясный взор
И дорогое сердце навсегда.

Они на части разделили клад,
Доверив сердце сердцу, взгляду-взгляд.

47

У сердца с глазом – тайный договор:
Они друг другу облегчают муки,
Когда тебя напрасно ищет взор
И сердце задыхается в разлуке.

Твоим изображеньем зоркий глаз
Дает и сердцу любоваться вволю.
А сердце – глазу в свой урочный час
Мечты любовной уступает долю.

Так в помыслах моих иль во плоти

Ты предо мной в мгновение любое.
Не дальше мысли можешь ты уйти.
Я неразлучен с ней, она – с тобою.

Мой взор тебя рисует и во сне
И будит сердце спящее во мне.

543

48

Заботливо готовясь в дальний путь,
Я безделушки запер на замок,
Чтоб на мое богатство посягнуть
Незванный гость какой-нибудь не мог.

А ты, кого мне больше жизни жаль,
Пред кем и золото – блестящий сор,
Моя утеха и моя печаль, –
Тебя любой похитить может вор.

В каком ларце таить мне божество,
Чтоб сохранить навеки взаперти?
Где, как не в тайне сердца моего,
Откуда ты всегда вольна уйти?

Боюсь, и там нельзя укрыть алмаз,
Приманчивый для самых честных глаз!

49

В тот черный день (пусть он минует нас!),
Когда увидишь все мои пороки,
Когда терпенья истощишь запас
И мне объявишь приговор жестокий,

Когда, со мной сойдясь в толпе людской,
Меня едва подаришь взглядом ясным,
И я увижу холод и покой
В твоём лице, попрежнему прекрасном, —

В тот день поможет горю моему
Сознание, что я тебя не стою,
И руку я в присяге подниму,
Всё оправдав своей неправотою.

Меня оставить вправе ты, мой друг,
А у меня для счастья нет заслуг.

50

Как тяжело мне, в пути взметая пыль,
 Не ожидая дальше ничего,
 Отсчитывать уныло, сколько миль
 Отъехал я от счастья своего.

Усталый конь, забыв былую прыть,
 Едва трусит лениво подо мной, –
 Как будто знает: незачем спешить
 Тому, кто разлучен с душой родной.

Хозяйских шпор не слушается он
 И только ржаньем шлет мне свой укор.
 Меня больнее ранит этот стон,
 Чем бедного коня – удары шпор.

Я думаю, уныло глядя вдаль:
 За мною – радость, впереди – печаль.

51

Так я оправдывал несносный нрав
 Упрямого, ленивого коня,
 Который был в своем упрямстве прав,
 Когда в изгнанье шагом вез меня.

Но будет непростительным грехом,
 Коль он обратно так же повезет.
 Да поскачи на вихре я верхом,
 Я думал бы: как тихо он ползет!

Желанья не догонит лучший конь,
 Когда оно со ржаньем мчится вскачь.
 Оно легко несется, как огонь,
 И говорит ленивейшей из кляч:

«Ты, бедная, шажком себе иди,
 А я помчусь на крыльях впереди!»

52

Как богачу, доступно мне в любое
 Мгновение сокровище мое.
 Но знаю я, что хрупко острие

Минут счастливых, данных мне судьбою.

Нам праздники, столь редкие в году,
Несут с собой тем большее веселье.
И редко расположены в ряду
Других камней алмазы ожерелья.

Пускай скрывает время, как ларец,
Тебя, мой друг, венед мой драгоценный,
Но счастлив я, когда алмаз свой пленный
Оно освобождает наконец.

Ты мне даришь и торжество свиданья
И трепетную радость ожиданья.

53

Какою ты стихией порожден?
Все по одной отбрасывают тени,
А за тобою вьется миллион
Твоих теней, подобий, отражений.

Вообразим Адониса портрет, —
С тобой он схож, как слепок твой дешевый.
Елене в древности дивился свет, —
Ты – древнего искусства образ новый.

Невинная весна и зрелый год
Хранят твой облик внутренний и внешней.
Как время жатвы, полон ты щедрот,
А видом день напоминаешь вешний.

Всё, что прекрасно, мы зовем твоим.
Но с чем же сердце верное сравним?

546

54

Прекрасное прекрасней во сто крат,
Увенчанное правдой драгоценной.
Мы в нежных розах ценим аромат,
В их пурпуре живущий сокровенно.

Пусть у цветов, где свил гнездо порок,
И стебель, и шипы, и листья те же,
И так же пурпур лепестков глубок,
И тот же венчик, что у розы свежей, —

Они ничьих не радуют сердец

И вянут, отравляя нам дыханье.
А у душистых роз иной конец:
Их душу перельют в благоуханье.

Когда погаснет блеск очей твоих,
Вся прелесть правды перельется в стих.

55

Замшелый мрамор дарственных могил
Исчезнет раньше этих веских слов,
В которых я твой образ сохранил.
К ним не пристанет пыль и грязь леков.

Пусть опрокинет статуи война,
Мятеж развеет каменщиков труд,
Но врезанные в память письма
Бегущие столетья не сотрут.

Ни смерть не увлечет тебя на дно,
Ни темного забвения вражда.
Тебе с потомством, дальним суждено,
Мир износив, увидеть день суда.

Итак, до пробуждения живи
В стихах, в сердцах, исполненных любви!

547

56

Проснись, любовь! Твое ли острие
Тупей, чем жало голода и жажды?
Как ни обильны яства и питье,
Нельзя навек насытиться однажды.

Так и любовь. Ее голодный взгляд
Сегодня утолен до утомленья,
А завтра снова ты огнем объят,
Рожденным для горенья, а не тленья.

Чтобы любовь была нам дорога,
Пусть океаном будет час разлуки,
Пусть двое, выходя на берега,
Один к другому простирают руки.

Пусть зимней стужей будет этот час,
Чтобы весна теплой пригрела нас!

57

Нет у слуги занятия другого,
Как ожидать у двери госпожу.
Так, прихотям твоим служить готовый,
Я в ожиданье время провожу.

Я про себя бранить не смею скуку,
За стрелками часов твоих следя.
Не проклиная горькую разлуку,
За дверь твою по знаку выходя.

Не позволяю помыслам ревнивым
Переступить заветный твой порог,
И, бедный раб, считаю я счастливым
Того, кто час пробыть с тобою мог.

Что хочешь делай. Я лишился зренья,
И нет во мне ни тени подозренья.

548

58

Избави бог, меня лишивший воли,
Чтоб я посмел твой проверять досуг,
Считать часы и спрашивать: доколе?
В дела господ не посвящают слуг.

Зови меня, когда тебе угодно,
А до того я буду терпелив.
Удел мой – ждать, пока ты не свободна,
И сдерживать упрек или порыв.

Ты предаешься ль делу иль забаве, –
Сама ты госпожа своей судьбе.
И, провинившись пред собой, ты вправе
Свою вину прощать самой себе.

В часы твоих забот иль наслажденья
Я жду тебя в тоске, без осужденья...

59

Уж если нет на свете новизны,
А есть лишь повторение былого,
И понапрасну мы страдать должны,
Давно рожденное рождая снова, –

Пусть наша память, пробежавши вспять
Пятьсот кругов, что солнце очертило,
Сумеет в древней книге отыскать

Запечатленный в слове лик твой милый.

Тогда б я знал, что думали в те дни
Об этом чуде, сложно-совершенном,
Ушли ли мы вперед, или они,
Иль этот мир остался неизменным.

Но верю я, что лучшие слова
В честь меньшего слагались божества!

549

60

Как движется к земле морской прибой,
Так и ряды бессчетные минут,
Сменяя предыдущие собой,
Поочередно к вечности бегут.

Младенчества новорожденный серп
Стремится к зрелости и, наконец,
Кривых затмений испытав ущерб,
Сдает в борьбе свой золотой венеч.

Резец годов у жизни на челе
За полосой проводит полосу.
Всё лучшее, что дышит на земле,
Ложится под разящую косу.

Но время не сметет моей строки,
Где ты пребудешь смерти вопреки!

61

Твоя ль вина, что милый образ твой
Не позволяет мне сомкнуть ресницы
И, стоя у меня над головой,
Тяжелым векам не дает закрыться?

Твоя ль душа приходит в тишине
Мои дела и помыслы проверить,
Всю ложь и праздность обличить во мне,
Всю жизнь мою, как свой удел, измерить?

О нет, любовь твоя не так сильна,
Чтоб к моему являться изголовью.
Моя, моя любовь не знает сна.
На страже мы стоим с моей любовью.

Я не могу забыться сном, пока

Ты – от меня вдали – к другим близка.

550

62

Любовь к себе моим владеет взором.
Она проникла в кровь мою и плоть.
И есть ли средство на земле, которым
Я эту слабость мог бы побороть?

Мне кажется, нет равных красотою,
Правдивей нет на свете никого.
Мне кажется, так дорого я стою,
Как ни одно земное существо.

Когда же невзначай в зеркальной глади
Я вижу настоящий образ свой
В морщинах лет, – на этот образ глядя,
Я сознаюсь в ошибке роковой.

Себя, мой друг, я подменял тобою,
Век уходящий – юною судьбою.

63

Про черный день, когда моя любовь,
Как я теперь, узнает жизни бремя,
Когда с годами оскудеет кровь
И гладкое чело изрежет время, —

Когда к обрыву ночи подойдет,
Пройдя полкруга, новое светило,
И потеряет краски небосвод,
В котором солнце только что царило, —

Про черный день оружие я припас,
Чтоб воевать со смертью и забвеньем,
Чтобы любимый образ не угас,
А был примером дальним поколеньям.

Оружье это – черная строка.
В ней все цвета переживут века.

551

64

Мы видели, как времени рука
Срывает всё, во что рядится время,
Как сносят башню гордую века
И рушит медь тысячелетий бремя,
Как пядь за пядью у прибрежных стран
Захватывает землю зыбь морская,
Меж тем как суша грабит океан,
Расход приходом мощным покрывая,
Как пробегает дней круговорот
И королевства близятся к распаду...
Всё говорит о том, что час пробьет,
И время унесет мою отраду.
А это – смерть! .. Печален мой удел.
Каким я хрупким счастьем овладел!

65

Уж если медь, гранит, земля и море
Не устоят, когда придет им срок,
Как может уцелеть, со смертью споря,
Краса твоя – беспомощный цветок?
Как сохранить дыханье розы алой,
Когда осада тяжкая времен
Незыблемые сокрушает скалы
И рушит бронзу статей и колонн?
О горькое раздумье!.. Где, какое
Для красоты убежище найти?
Как, маятник остановив рукою,
Цвет времени от времени спасти?
Надежды нет. Но светлый облик милый
Спасут, быть может, черные чернила!

552

66

Зову я смерть. Мне видеть нестерпим
Достоинство, что просит подаянье,
Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье,
И совершенству ложный приговор,
И девственность, поруганную грубо,
И неуместной почести позор,

И мощь в плену у немощи беззубой,
И прямоту, что глупостью слывет,
И глупость в маске мудреца, пророка,
И вдохновения зажатый рот,
И праведность на службе у порока.
Всё мерзостно, что вижу я вокруг,
Но жаль тебя покинуть, милый друг.

67

Спроси, зачем в пороках он живет.
Чтобы служить бесчестью оправданьем?
Чтобы грехам приобрести почет
И ложь прикрыть своим очарованьем?
Зачем искусства мертвые цвета
Крадут его лица огонь весенний?
Зачем лукаво ищет красота
Поддельных роз, фальшивых украшений?
Зачем его хранит природа-мать,
Когда она давно уже не в силах
В его щеках огнем стыда пылать,
Играть живою кровью в этих жилах?
Хранит затем, чтоб знал и помнил свет
О том, что было и чего уж нет.

553

68

Его лицо – одно из отражений
Тех дней, когда на свете красота
Цвела свободно, как цветок весенний,
И не рядилась в ложные цвета,
Когда никто в кладбищенской ограде
Не смел нарушить мертвенный покой
И дать забытой золотистой пряди
Вторую жизнь на голове другой.
Его лицо приветливо и скромно,
Уста поддельных красок лишены.
В его весне нет зелени заемной,
И новизна не грабит старины.
Его хранит природа для сравнения

Прекрасной правды с ложью украшенья.

69

В том внешнем, что в тебе находит взор,
Нет ничего, что хочется исправить.
Вражды и дружбы общий приговор
Не может к правде черточки прибавить.

За внешний облик — внешний и почет.
Но голос тех же судей неподкупных
Звучит иначе, если речь зайдет
О свойствах сердца, глазу недоступных.

Толкует о душе твоей молва.
А зеркало души — ее деянья.
И заглушает сорная трава
Твоих сладчайших роз благоуханье.

Твой нежный сад запущен потому,
Что он доступен всем и никому.

554

70

То, что тебя бранят, — не твой порок.
Прекрасное обречено молве,
Его не может очернить упрек —
Ворона в лучезарной синеве.

Ты хороша, но хором клеветы
Еще дороже ты оценена.
Находит червь нежнейшие цветы,
А ты невинна, как сама весна.

Избегла ты засады юных дней
Иль нападавший побежден был сам,
Но чистотой и правдою своей
Ты не замкнешь уста клеветникам.

Без этой легкой тени на челе
Одна бы ты царила на земле!

71

Ты погрусти, когда умрет поэт,
Покуда звон ближайшей из церквей
Не возвестит, что этот низкий свет
Я променял на низший мир червей.

И если перечтешь ты мой сонет,
Ты о руке остывшей не жалеи.
Я не хочу туманить нежный цвет
Очей любимых памятью своей.

Я не хочу, чтоб эхо этих строк
Меня напоминало вновь и вновь.
Пускай замрут в один и тот же срок
Мое дыханье и твоя любовь.

Я не хочу, чтобы своей тоской
Ты предала себя молве людской.

555

72

Чтобы не мог тебя заставить свет
Рассказывать, что ты во мне любила, –
Забудь меня, когда на склоне лет
Иль до того возьмет меня могила.

Так мало ты хорошего найдешь,
Перебирая все мои заслуги,
Что поневоле, говоря о друге,
Придумаешь спасительную ложь.

Чтоб истинной любви не запятнать
Каким-нибудь воспоминаньем ложным,
Меня скорей из памяти изгладь, –
Иль дважды мне ответ придется дать:

За то, что был при жизни столь ничтожным
И что потом тебя заставил лгать!

73

То время года видишь ты во мне,
Когда один-другой багряный лист
От холода трепещет в вышине –
На хорах, где умолк веселый свист.

Во мне ты видишь тот вечерний час,
Когда поблек на западе закат
И купол неба, отнятый у нас,
Подобьем смерти – сумраком объят.

Во мне ты видишь блеск того огня,
Который гаснет в пепле прошлых дней,
И то, что жизнью было для меня,

Могилою становится моей.

Ты видишь всё. Но близостью конца
Теснее наши связаны сердца!

556

74

Когда меня отправят под арест,
Без выкупа, залога и отсрочки,
Не глыба камня, не могильный крест, –
Мне памятником будут эти строчки.

Ты вновь и вновь найдешь в моих стихах
Всё, что во мне тебе принадлежало.
Пускай земле достанется мой прах,
Ты, потеряв меня, утратишь мало.

С тобою будет лучшее во мне.
А смерть возьмет от жизни быстротечной
Осадок, остающийся на дне,
То, что похитить мог бродяга встречный.

Ей – черепки разбитого ковша,
Тебе – мое вино, моя душа.

75

Ты утоляешь мой голодный взор,
Как землю – освежительная влага.
С тобой веду я бесконечный спор,
Как со своей сокровищницей скряга.

То счастлив он, то мечется во сне,
Боясь шагов, звучащих за стеною.
То хочет быть с ларцом наедине,
То рад блеснуть сверкающей казною.

Так я, вкусив блаженство на пиру,
Терзаюсь жаждой в ожиданье взгляда.
Живу я тем, что у тебя беру,
Моя надежда, мука и награда.

В томительном чередованье дней
То я богаче всех, то всех бедней!

557

Увы, мой стих не блещет новизной,
 Разнообразьем перемен неожиданных.
 Не поискать ли мне тропы иной,
 Приемов новых, сочетаний странных?

Я повторяю прежнее опять,
 В одежде старой появляюсь снова.
 И, кажется, по имени назвать
 Меня в стихах любое может слово.

Всё это оттого, что вновь и вновь
 Решаю я одну свою задачу:
 Я о тебе пишу, моя любовь,
 И то же сердце, те же силы трачу.

Всё то же солнце ходит надо мной,
 Но и оно не блещет новизной.

Седины ваши зеркало покажет,
 Часы – потерю золотых минут.
 На белую страницу строчка ляжет –
 И вашу мысль увидят и прочтут.

По черточкам морщин в стекле правдивом
 Мы все ведем своим утратам счет.
 А в шорохе часов неторопливом
 Украдкой время к вечности течет.

Запечатлейте беглыми словами
 Всё, что не в силах память удержать.
 Своих детей, давно забытых вами,
 Когда-нибудь, вы встретите опять.

Как часто эти найденные строки
 Для нас таят бесценные уроки.

Тебя я музой называл своею
 Так часто, что теперь наперебой
 Поэты, переняв мою затею,
 Свои стихи украсили тобой.

Глаза, что петь немого научили,

Заставили невежество летать, –
Искусству тонкому придали крылья,
Изыществу – величия печать.

И всё же горд своим я приношением,
Хоть мне такие крылья не даны.
Стихам других ты служишь украшением,
Мои стихи – тобою рождены.

Поэзия – в тебе. Простые чувства
Ты возвышать умеешь до искусства.

79

Когда один я находил истоки
Поэзии в тебе, блистал мой стих.
Но как теперь мои померкли строки
И голос музыки немошной затих.

Я сознаю своих стихов бессилье.
Но всё, что можно о тебе сказать,
Поэт в твоём находит изобилье,
Чтобы тебе преподнести опять.

Он славит добродетель, – это слово
Украв у поведенья твоего.
Он воспевает красоту, но снова
Приносит дар, ограбив божество.

Благодарить не должен тот, кто платит
Сполна за всё, что стихотворец тратит.

559

80

Мне изменяет голос мой и стих,
Когда подумаю, какой певец
Тебя прославил громом струн своих,
Меня молчать заставив наконец.

Но так как вольный океан широк
И с кораблем могучим наравне
Качает скромный маленький челнок, –
Дерзнул я появиться на гребне.

Лишь с помощью твоей средь бурных вод
Могу держаться, не иду ко дну.
А он в сиянье парусов плывет,
Бездонную тревожа глубину.

Не знаю я, что ждет меня в пути,
Но не боюсь и смерть в любви найти.

81

Тебе ль меня придется хоронить
Иль мне тебя, – не знаю, друг мой милый.
Но пусть судьбы твоей прервется нить,
Твой образ не исчезнет за могилой.

Ты сохранишь и жизнь и красоту,
А от меня ничто не сохранится.
На кладбище покой я обрету,
А твой приют – открытая гробница.

Твой памятник – восторженный мой стих.
Кто не рожден еще, его услышит.
И мир повторит повесть дней твоих,
Когда умрут все те, кто ныне дышит.

Ты будешь жить, земной покинув прах,
Там, где живет дыханье, – на устах!

560

82

Не обручен ты с музою моей,
И часто снисходителен твой суд,
Когда тебе поэты наших дней
Красноречиво посвящают труд.

Твой ум изящен, как твои черты,
Гораздо тоньше всех моих похвал.
И поневоле строчек ищешь ты
Новее тех, что я тебе писал.

Я уступить соперникам готов.
Но после риторических потуг
Яснее станет правда этих слов,
Что пишет просто говорящий друг.

Бескровным краска яркая нужна,
Твоя же кровь и без того красна.

83

Я думал, что у красоты твоей
В поддельных красках надобности нет.
Я думал: ты прекрасней и милей

Всего, что может высказать поэт.

Вот почему молчания печать
На скромные уста мои легла, –
Чтобы свое величье доказать
Без украшений красота могла.

Но ты считаешь дерзостным грехом
Моей влюбленной музы немоту.
Меж тем другие немощным стихом
Бессмертную хоронят красоту.

То, что во взоре светится твоим,
Твои певцы не выразят вдвоем.

561

84

Кто знает те слова, что больше значат
Правдивых слов, что ты есть только ты?
Кто у себя в сокровищнице прячет
Пример тебе подобной красоты?

Как беден стих, который не прибавил
Достоинства виновнику похвал.
Но только тот в стихах себя прославил,
Кто попросту тебя тобой назвал.

Пересказав, что сказано природой,
Он создает правдивый твой портрет,
Которому бесчисленные годы
Восторженно дивиться будет свет.

А голоса тебе любезной лести
Звучат хулой твоей красе и чести!

85

Моя немая муза так скромна.
Меж тем поэты лучшие кругом
Тебе во славу чертят письма
Красноречивым золотым пером.

Моя богиня тише всех богинь.
И я, как малограмотный дьячок,
Умею только возглашать «аминь!»
В конце торжественно звучащих строк.

Я говорю: «Конечно!», «Так и есть!»,

Когда поэты произносят стих,
Твоим заслугам воздавая честь, —
Но сколько чувства в помыслах моих!

За громкие слова цени певцов.
Меня — за мысли тихие, без слов.

562

86

Его ли стих — могучий шум ветрил,
Несущихся в погоню за тобою, —
Все замыслы во мне похоронил,
Утробу сделав урной гробовою?

Его ль рука, которую писать
Учил какой-то дух, лишенный тела,
На робкие уста кладет печать,
Достигнув в мастерстве своем предела?

О нет, ни он, ни дружественный дух —
Его ночной советчик бестелесный —
Так не могли ошеломить мой слух
И страхом поразить мой дар словесный.

Но если ты с его не сходишь уст, —
Мой стих, как дом, стоит открыт и пуст.

87

Прощай! Тебя удерживать не смею.
Я дорого ценю любовь твою.
Мне не по средствам то, чем я владею,
И я залог покорно отдаю.

Я, как подарком, пользуюсь любовью.
Заслугами не куплена она.
И, значит, добровольное условие
По прихоти нарушить ты вольна.

Дарила ты, цены не зная кладу
Или не зная, может быть, меня,
И не по праву взятую награду
Я сохранял до нынешнего дня.

Был королем я только в сновиденье.
Меня лишило трона пробужденье.

88

Когда захочешь, охладев ко мне,
 Предать меня насмешке и презрению,
 Я на твоей останусь стороне
 И честь твою не опорочу тенью.

Отлично зная каждый свой порок,
 Я рассказать могу такую повесть,
 Что навсегда сниму с тебя упрек,
 Запятнанную оправдаю совесть.

И буду благодарен я судьбе:
 Пускай в борьбе терплю я неудачу,
 Но честь победы приношу тебе
 И дважды обретаю всё, что трачу.

Готов я жертвой быть неправоты,
 Чтоб только правой оказалась ты.

89

Скажи, что ты нашла во мне черту,
 Которой вызвана твоя измена.
 Ну, осуди меня за хромоту –
 И буду я ходить, согнув колено.

Ты не найдешь таких обидных слов,
 Чтоб оправдать внезапность охлажденья,
 Как я найду. Я стать другим готов,
 Чтоб дать тебе права на отчужденье.

Дерзну ли о тебе упомянуть?
 Считать я буду память вероломством
 И при других не выдам как-нибудь,
 Что мы старинным связаны знакомством.

С самим собою буду я в борьбе:
 Мне тот враждебен, кто не мил тебе!

90

Уж если ты разлюбишь, – так теперь,
 Теперь, когда весь мир со мной в раздоре.
 Будь самой горькой из моих потерь,

Но только не последней каплей горя.

И если скорбь дано мне превозмочь,
Не наноси удара из засады,
Пусть бурная не разрешится ночь
Дождливым утром – утром без отрады.

Оставь меня, но не в последний миг,
Когда от мелких бед я ослабею.
Оставь сейчас, чтоб сразу я постиг,
Что это горе всех невзгод больнее.

Что нет невзгод, а есть одна беда –
Твоей любви лишиться навсегда.

91

Кто хвалится родством своим со знатью,
Кто силой, кто блестящим галуном,
Кто кошельком, кто пряжками на платье,
Кто соколом, собакой, скакуном.

Есть у людей различные пристрастья,
Но каждому милей всего одно.
А у меня особенное счастье, –
В нем остальное всё заключено.

Твоя любовь, мой друг, дороже клада,
Почетнее короны королей,
Наряднее богатого наряда,
Охоты соколиной веселей.

Ты можешь всё отнять, чем я владею,
И в этот миг я сразу обеднею.

565

92

Ты от меня не можешь ускользнуть.
Моей ты будешь до последних дней.
С любовью связан жизненный мой путь,
И кончиться он должен вместе с ней.

Зачем же мне бояться худших бед,
Когда мне смертью меньшая грозит?
И у меня зависимости нет
От прихотей твоих или обид.

Не опасаюсь я твоих измен.

Твоя измена – беспощадный нож.
О, как печальный жребий мой блажен:
Я был твоим, и ты меня убьешь.

Но счастья нет на свете без пятна.
Кто скажет мне, что ты сейчас верна?

93

Что ж, буду жить, приемля как условие,
Что ты верна. Хоть стала ты иной,
Но тень любви нам кажется любовью.
Не сердцем – так глазами будь со мной.

Твой взор не говорит о перемене.
Он не таит ни скуки, ни вражды.
Есть лица, на которых преступленья
Чертят неизгладимые следы.

Но, видно, так угодно высшим силам:
Пусть лгут твои прекрасные уста,
Но в этом взоре, ласковом и миллом,
Попрежнему сияет чистота.

Прекрасно было яблоко, что с древа
Адаму на беду сорвала Ева.

566

94

Кто, злом владея, зла не причинит,
Не пользуясь всей мощью этой власти,
Кто двигает других, но, как гранит,
Неколебим и не подвержен страсти, –

Тому дарует небо благодать,
Земля дары приносит дорогие.
Ему дано "величьем обладать,
А чтить величье призваны другие.

Лелеет лето лучший свой цветок,
Хоть сам он по себе цветет и вянет.
Но если в нем приют нашел порок,
Любой сорняк его достойней станет.

Чертополох нам слаще и милей
Растленных роз, отравленных лилей.

95

Ты украшать умеешь свой позор.
Но, как в саду незримый червячок
На розах чертит гибельный узор, –
Так и тебя пятнает твой порок.

Молва толкует про твои дела,
Догадки щедро прибавляя к ним.
Но похвалой становится хула.
Порок оправдан именем твоим.

В каком великолепнейшем дворце
Соблазнам низким ты даешь приют.
Под маскою прекрасной на лице,
В наряде пышном их не узнают.

Но красоту в пороках не сберечь.
Ржавая, остроту теряет меч.

567

96

Кто осуждает твой беспечный нрав,
Кого пленяет юный твой успех.
Но, прелестью проступки оправдав,
Ты в добродетель превращаешь грех.

Поддельный камень в перстне королей
Становится алмазом дорогим.
Так и пороки юности твоей
Достоинствами кажутся другим.

Как много волк похитил бы овец,
Надев ягненка нежное руно.
Как много можешь ты увлечь сердец
Всем, что тебе судьбой твоей дано.

Остановись, – я так тебя люблю,
Что весь я твой и честь твою делю.

97

Мне показалось, что была зима,
Когда тебя не видел я, мой друг.
Какой мороз стоял, какая тьма,
Какой пустой декабрь царил вокруг.

За это время лето протекло
И уступило осени права.
И осень шла, ступая тяжело, –

Оставшаяся на сносях вдова.

Казалось мне, что все плоды земли
С рождения удел сиротский ждет.
Нет в мире лета, если ты вдали.
Где нет тебя, – и птица не поет.

А там, где слышен робкий, жалкий свист,
В предчувствии зимы бледнеет лист.

568

98

Нас разлучил апрель цветущий, бурный.
Всё оживил он веяньем своим.
В ночи звезда тяжелая Сатурна
Смеялась и плясала вместе с ним.

Но гомон птиц, и запахи, и краски
Бесчисленных цветов не помогли
Рождению моей весенней сказки.
Не рвал я пестрых первенцев земли.

Раскрывшиеся чаши снежных лилий,
Пурпурных роз душистый первый цвет,
Напоминая, мне не заменили
Ланит и уст, которым равных нет.

Была зима во мне, а блеск весенний
Мне показался тенью милой тени.

99

Фиалке ранней бросил я упрек:
Лукавая крадет свой запах сладкий
Из уст твоих, и каждый лепесток
Свой бархат у тебя берет украдкой.

У лилий – белизна твоей руки,
Твой темный волос – в почках майорана,
У белой розы – цвет твоей щеки,
У красной розы – твой огонь румяный.

У третьей розы – белой, точно снег,
И красной, как заря, – твое дыханье.
Но дерзкий вор возмездья не избег:
Его червяк съедает в наказанье.

Каких цветов в саду весеннем нет!

И все крадут твой запах или цвет.

569

100

Где муза? Что молчат ее уста?
О том, кто вдохновлял ее полет?
Иль, песенкой дешевой занята,
Она ничтожным славу создает?

Пой, суетная муза, для того,
Кто может оценить твою игру,
Кто придает и блеск, и мастерство,
И благородство твоему перу.

Вглядись в его прекрасные черты
И, если в них морщину ты найдешь,
Изобличи убийцу красоты,
Строфою гневной заклеими грабеж.

Пока не поздно, времени быстреей
Бессмертные черты запечатлей!

101

О, ветреная муза, отчего,
Отвергнув правду в блеске красоты,
Ты не рисуешь друга моего,
Чьей доблестью прославлена и ты?

Но, может быть, ты скажешь мне в ответ,
Что красоту не надо украшать,
Что правде придавать не надо цвет
И лучшее не стоит улучшать.

Да, совершенству не нужна хвала,
Но ты ни слов, ни красок не жалеи,
Чтоб в славе красота пережила
Свой золотом покрытый мавзолей.

Нетронутым – таким, как в наши дни, –
Прекрасный образ миру сохрани!

570

102

Люблю, – но реже говорю об этом,
Люблю нежней. – но не для многих глаз,
Торгует чувством тот, кто перед светом
Всю душу выставляет напоказ.

Тебя встречал я песней, как приветом,
Когда любовь нова была для нас.
Так соловей гремит в полночный час
Весной, но флейту забывает летом.

Ночь не лишится прелести своей,
Когда его умолкнут излишня.
Но музыка, звуча со всех ветвей,
Обычной став, теряет обаянье.

И я умолк, подобно соловью:
Свое пропел и больше не пою.

103

У бедной музы красок больше нет.
А что за слава открывалась ей!
Но, видно, лучше голый мой сюжет
Без добавленья похвалы моей.

Вот почему писать я перестал.
Но сам взгляни в зеркальное стекло
И убедись, что выше всех похвал
Стеклом отраженное чело.

Всё то, что отразила эта гладь,
Не передаст палитра и резец.
Зачем же нам, пытаясь передать,
Столь совершенный портить образец?

И мы напрасно спорить не хотим
С природой или зеркалом твоим.

571

104

Ты не меняешься с теченьем лет.
Такой же ты была, когда впервые
Тебя я встретил. Три зимы седые
Трех пышных лет запорошили след.

Три нежные весны сменили цвет
На сочный плод и листья огневые,
И трижды лес был осенью раздет, –

А над тобой не властвуют стихии.

На циферблате указав нам час,
Покинув цифру, стрелка золотая
Чуть движется, невидимо для глаз.
Так на тебе я лет не замечаю.

И если уж закат необходим, –
Он был перед рождением твоим!

105

Язычником меня ты не зови,
Не называй кумиром божество.
Пою я гимны, полные любви,
Ему, о нем и только для него.

Его любовь нежнее с каждым днем,
И, постоянству посвящая стих,
Я поневоле говорю о нем,
Не зная тем и замыслов других.

«Прекрасный, верный, добрый» – вот слова,
Что я твержу на множество ладов.
В них три определенья божества,
Но сколько сочетаний этих слов!

Добро, краса и верность жили врозь,
Но это всё в тебе одном слилось.

572

106

Когда читаю в свитке мертвых лет
О пламенных устах, давно безгласных,
О красоте, слагающей куплет
Во славу дам и рыцарей прекрасных,

Столетиями хранимые черты –
Глаза, улыбка, волосы и брови –
Мне говорят, что только в древнем слове
Могла всецело отразиться ты.

В любой строке к своей прекрасной даме
Поэт мечтал тебя предугадать,
Но всю тебя не мог он передать,
Впиваясь в даль влюбленными глазами.

А нам, кому ты, наконец, близка,

Где голос взять, чтобы звучал века?

107

Ни собственный мой страх, ни вещий взор
Вселенной всей, глядящей вдаль прилежно,
Не знают, до каких дана мне пор
Любовь, чья смерть казалась неизбежной.

Свое затмение смертная луна
Пережила на зло пророкам лживым.
Надежда вновь на трон возведена,
И долгий мир сулит расцвет оливам.

Разлукой смерть не угрожает нам,
Пусть я умру, но я в стихах воскресну.
Слепая смерть грозит лишь племенам
Еще не просветленным, бессловесным.

В моих стихах и ты переживешь
Венцы тиранов и гербы вельмож.

573

108

Что может мозг бумаге передать,
Чтоб новое к твоим хвалам прибавить?
Что мне припомнить, что мне рассказать,
Чтобы твои достоинства прославить?

Нет ничего, мой друг. Но свой привет,
Как старую молитву – слово в слово, —
Я повторяю. Новизны в нем нет,
Но он звучит торжественно и ново.

Бессмертная любовь, рождаясь вновь,
Нам неизбежно кажется другою.
Морщин не знает вечная любовь
И старость делает своим слугою.

И там ее рождение, где молва
И время говорят: любовь мертва.

109

Меня неверным другом не зови,
Как мог я изменить иль измениться?
Моя душа, душа моей любви
В твоей груди, как мой залог, хранится.

Ты – мой приют, дарованный судьбой.
Я уходил и приходил обратно
Таким, как был, и приносил с собой
Живую воду, что смывает пятна.

Пускай грехи мою тревожат кровь,
Но не дошел я до последней грани,
Чтоб из скитаний не вернуться вновь
К тебе, источник всех благодеяний.

Что без тебя просторный этот свет?
Ты в нем одна. Другого счастья нет.

574

110

Да, это правда: где я ни бывал,
Пред кем шута ни корчил площадного,
Как дешево богатство продавал
И оскорблял любовь любовью новой.

Да, это правда: правде не в упор
В глаза смотрел я, а куда-то мимо,
Но юность вновь нашел мой беглый взор.
Блуждая, он признал тебя любимой.

Всё кончено, и я не буду вновь
Искать того, что обостряет страсти,
Любовью новой проверять любовь.
Ты – божество, и весь в твоей я власти.

Вблизи небес ты мне приют найди
На этой чистой, любящей груди.

111

О, как ты прав, судьбу мою браня,
Виновницу дурных моих деяний,
Богиню, осудившую меня
Зависеть от публичных подаяний.

Красильщик скрыть не может ремесло.
Так на меня проклятое занятие
Печатью несмываемой легло.
О, помоги мне смыть мое проклятье!

Согласен я без ропота глотать
Лекарственные горькие коренья.
Не буду горечь горькою считать,

Считать неправой меру исправленья.

Но жалостью своей, о милый друг,
Ты лучше всех излечишь мой недуг!

575

112

Мой друг, твоя любовь и доброта
Заполнили глубокий след проклятья,
Который выжгла злая клевета
На лбу моем каленою печатью.

Лишь похвала твоя и твой укор
Моей оградой будут и печалью.
Для всех других я умер с этих пор
И чувства оковал незримой сталью.

В такую бездну страх я зашвырнул,
Что не боюсь гадюк, сплетенных вместе,
И до меня едва доходит гул
Лукавой клеветы и лживой лести,
Я слышу сердце друга моего,
А всё кругом беззвучно и мертво.

113

Со дня разлуки – глаз в душе моей,
А тот, которым путь я нахожу,
Не различает видимых вещей,
Хоть я на всё попрежнему гляжу.

Ни сердцу, ни сознанию беглый взгляд
Не может дать о виденном отчет.
Траве, цветам и птицам он не рад,
И в нем ничто подолгу не живет.

Прекрасный и уродливый предмет
В твое подобье превращает взор:
Голубку и ворону, тьму и свет,
Лазурь морскую и вершины гор.

Тобою полон и тебя лишен,
Мой верный взор неверный видит сон.

576

Неужто я, прияв любви венец,
 Как все монархи, лестью упоен?
 Одно из двух: мой глаз – лукавый льстец,
 Иль волшебству тобой он обучен.

Из чудищ и бесформенных вещей
 Он херувимов светлых создает.
 Всему, что входит в круг его лучей,
 С твоим лицом он сходство придает.

Вернее первая догадка: лесть.
 Известно глазу всё, что я люблю,
 И он умеет чашу преподнести,
 Чтобы прищлась по вкусу королю.

Пусть это яд, – мой глаз искупит грех:
 Он пробует отраву раньше всех!

О, как я лгал когда-то, говоря:
 «Моя любовь не может быть сильнее».
 Не знал я, полным пламенем горя,
 Что я любить еще нежней умею.

Случайностей предвидя миллион,
 Вторгающихся в каждое мгновенье,
 Ломающих незыблемый закон,
 Колеблющих и клятвы и стремленья,

Не веря переменчивой судьбе,
 А только часу, что еще не прожит,
 Я говорил: «Любовь моя к тебе
 Так велика, что больше быть не может!»

Любовь – дитя. Я был пред ней неправ,
 Ребенка взрослой женщиной назвав.

Мешать соединенью двух сердец
 Я не намерен. Может ли измена
 Любви безмерной положить конец?
 Любовь не знает убыли и тлена.

Любовь – над бурей поднятый маяк,

Не меркнувший во мраке и тумане.
Любовь – звезда, которою моряк
Определяет место в океане.

Любовь – не кукла жалкая в руках
У времени, стирающего розы
На пламенных устах и на щеках,
И не страшны ей времени угрозы.

А если я неправ и лжет мой стих,
То нет любви и нет стихов моих!

117

Скажи, что я уплатой пренебрег
За всё добро, каким тебе обязан,
Что я забыл заветный твой порог,
С которым всеми узами я связан,

Что я не знал цены твоим часам,
Безжалостно чужим их отдавая,
Что позволял безвестным парусам
Себя нести от милого мне края.

Все преступления вольности моей
Ты положи с моей любовью рядом,
Представь на строгий суд твоих очей,
Но не казни меня смертельным взглядом.

Я виноват. Но вся моя вина
Покажет, как любовь твоя верна.

578

118

Для аппетита пряностью приправы
Мы вызываем горький вкус во рту.
Мы горечь пьем, чтоб избежать отравы,
Нарочно возбуждая дурноту.

Так, избалованный твоей любовью,
Я в горьких мыслях радость находил
И сам себе придумал нездоровье
Еще в расцвете бодрости и сил.

От этого любовного коварства,
И опасения вымышленных бед
Я заболел не в шутку и лекарства
Горчайшие глотал себе во вред.

Но понял я: лекарства – яд смертельный
Тем, кто любовью болен беспредельной.

119

Каким питьем из горьких слез сирен
Отравлен я, какой настойкой ада?
То я страшусь, то взят надеждой в плен,
К богатству близок и лишаяюсь клада.

Чем согрешил я в свой счастливый час,
Когда в блаженстве я достиг зенита?
Какой недуг всего меня потряс
Так, что глаза покинули орбиты?

О, благодетельная сила зла!
Всё лучшее от горя хорошеет,
И та любовь, что сожжена дотла,
Еще пышней цветет и зеленеет.

Так после всех бесчисленных утрат
Во много раз я более богат.

579

120

То, что мой друг бывал жесток со мною,
Полезно мне. Сам испытав печаль,
Я должен гнуться под своей виною,
Коль это сердце – сердце, а не сталь.

И если я потряс обидой друга,
Как он меня, – его терзает ад.
И у меня не может быть досуга
Припоминать, обид минувших яд.

Пускай та ночь печали и томленья
Напомнит мне, что чувствовал я сам,
Чтоб другу я принес для исцеленья,
Как он тогда, – раскаянья бальзам.

Я всё простил, что испытал когда-то.
И ты прости, – взаимная расплата!

121

Уж лучше грешным быть, чем грешным слыть.
Напраслина страшнее обличенья.
И гибнет радость, коль ее судить

Должно не наше, а чужое мненье.

Как может взгляд чужих порочных глаз
Щадить во мне игру горячей крови?
Пусть грешен я, но не грешнее вас,
Мои шпионы, мастера злословья.

Я – это я, а вы грехи мои
По своему равняете примеру.
Но, может быть, я прям, а у судьи
Неправого в руках кривая мера.

И видит он в любом из ближних ложь,
Поскольку ближний на него похож!

580

122

Твоих таблиц не надо мне. В мозгу
Верней, чем на пергаменте и воске,
Я образ твой навеки сберегу,
И не нужны мне памятные доски.

Ты будешь жить до тех далеких дней,
Когда живое, уступая тленью,
Отдаст частицу памяти твоей
Всесильному и вечному забвенью.

Так долго бы не сохранился воск
Твоих таблиц – подарок твой напрасный.
Нет, любящее сердце, чуткий мозг
Полнее сберегут твой лик прекрасный.

Кто должен памятку любви хранить,
Тому способна память изменить!

123

Не хвастай, время, властью надо мной.
Те пирамиды, что возведены
Тобою вновь, не блещут новизной.
Они – перелицовка старины.

Наш век недолог. Нас немудрено
Прельстить перелицованным старьем.
Мы верим, будто нами рождено
Всё то, что мы от предков узнаем.

Цена тебе с твоим архивом грош.

Во мне и тени удивленья нет
Пред тем, что есть и было. Эту ложь
Плетешь ты в спешке суетливых лет.

И если был я верен до сих пор,
Не изменюсь тебе наперекор!

581

124

О, будь моя любовь – дитя удачи,
Дочь времени, рожденная без прав, —
Судьба могла бы место ей назначить
В своем венке иль в куче сорных трав.

Но нет, мою любовь не создал случай.
Ей не сулит судьбы слепая власть
Быть жалкою рабой благополучий
И жалкой жертвой возмущенья пасть.

Ей не страшны уловки и угрозы
Тех, кто у счастья час берет внаем.
Ее не холит луч, не губят грозы.
Она идет своим большим путем.

И этому – ты, временщик, свидетель,
Чья жизнь – порок, а гибель – добродетель.

125

Что если бы я право заслужил
Держать венец над тронном властелина
Или бессмертья камень заложил,
Не более надежный, чем руина?

Кто гонится за внешней суетой,
Теряет всё, не рассчитав расплаты,
И часто забывает вкус простой,
Избалован стряпней замысловатой.

Нет, лишь твоих даров я буду ждать.
А ты прими мой хлеб, простой и скудный.
Дается он тебе, как благодать,
В знак бескорыстной жертвы обоюдной.

Прочь, искуситель! Чем душе трудней,
Тем менее ты властвуешь над ней!

126

Крылатый мальчик мой, несущий бремя
 Часов, что нам отсчитывают время,
 От убыли растешь ты, подтверждая,
 Что мы любовь питаем, увядая.
 Природа, разрушительница-мать,
 Твой ход упорный возвращает вспять.
 Она тебя хранит для праздной шутки,
 Чтобы, рождая, убивать минутки.
 Но бойся госпожи своей жестокой:
 Коварная щадит тебя до срока.
 Когда же это время истечет, –
 Предъявит счет и даст тебе расчёт.

127

Прекрасным не считался черный цвет,
 Когда на свете красоту ценили.
 Но, видно, изменился белый свет, –
 Прекрасное позором очернили.
 С тех пор, как все природные цвета
 Искусно подменяет цвет заемный,
 Последних прав лишилась красота,
 Сльвет она безродной и бездомной.
 Вот почему и волосы и взор
 Возлюбленной моей чернее ночи,
 Как будто носят траурный убор
 По тем, кто краской красоту порочит.
 Но так идет им черная фата,
 Что красотою стала чернота.

128

Едва лишь ты о музыка моя,
 Займешься музыкой, встревожив строй
 Ладов и струн искусною игрой, –
 Ревнивой завистью терзаюсь я.

Обидно мне, что ласки нежных рук
Ты отдаешь танцующим ладам,
Срывая краткий, мимолетный звук, –
А не моим томящимся устам.

Я весь хотел бы клавишами стать,
Чтоб только пальцы легкие твои
Прошлись по мне, заставив трепетать,
Когда ты струн коснешься в забыты.

Но если счастье выпало струне,
Отдай ты руки ей, а губы – мне!

129

Издержки духа и стыда растрата –
Вот сладострастье в действии. Оно
Безжалостно, коварно, бесновато,
Жестоко, грубо, ярости полно.

Утолено, влечет оно презренье,
В преследованье не жалеет сил,
И тот лишен покоя и забвенья,
Кто невзначай приманку проглотил.

Безумное, само с собой в раздоре,
Оно владеет иль владеют им.
В надежде – радость, в испытанье – горе,
А в прошлом – сон, растаявший, как дым.

Всё это так. Но избежит ли грешный
Небесных врат, ведущих в ад кромешный?

584

130

Ее глаза на звезды не похожи,
Нельзя уста кораллами назвать,
Не белоснежна плеч открытых кожа,
И черной проволокой вьется прядь.

С дамасской розой, алой или белой,
Нельзя сравнить оттенок этих щек.
А тело пахнет так, как пахнет тело,
Не как фиалки нежный лепесток.

Ты не найдешь в ней совершенных линий,
Особенного света на челе.
Не знаю я, как шествуют богини,

Но милая ступает по земле.

И всё ж она уступит тем едва ли,
Кого в сравненьях пышных оболгали.

131

Ты прихоти полна и любишь власть,
Подобно всем красавицам надменным.
Ты знаешь, что моя слепая страсть
Тебя считает даром драгоценным.

Пусть говорят, что смуглый облик твой
Не стоит слез любовного томленья, –
Я не решаюсь в спор вступить с молвой,
Но спорю с ней в своем воображенье.

Чтобы себя уверить до конца
И доказать нелепость этих басен,
Клянусь до слез, что темный цвет лица
И черный цвет волос твоих прекрасен.

Беда не в том, что ты лицом смугла, –
Не ты черна, черны твои дела!

585

132

Люблю твои глаза. Они меня
Забытого жалеют непритворно.
Отвергнутого друга хороня,
Они, как траур, носят цвет свой черный.

Поверь, что солнца блеск не так идет
Лицу седого раннего востока.
И та звезда, что вечер к нам ведет, –
Небес прозрачных западное око, –

Не так лучиста и не так светла,
Как этот взор, прекрасный и прощальный.
Ах, если б ты и сердце облекла
В такой же траур, мягкий и печальный, –

Я думал бы, что красота сама
Черна, как ночь, и ярче света – тьма!

133

Будь проклята душа, что истерзала
Меня и друга прихотью измен.

Терзать меня тебе казалось мало, -
Мой лучший друг захвачен в тот же плен.

Жестокая, меня недобрым глазом
Ты навсегда лишила трех сердец:
Теряя волю, я утратил разом
Тебя, себя и друга наконец.

Но друга ты избавь от рабской доли
И прикажи, чтоб я его стерег.
Я буду стражем, находясь в неволе,
И сердце за него отдам в залог.

Мольба напрасна. Ты – моя темница,
И всё мое со мной должно томиться.

586

134

Итак, он твой. Теперь судьба моя
Окажется заложным именем,
Чтоб только он – мое второе я –
Попрежнему служил мне утешеньем.

Но он не хочет, и не хочешь ты.
Ты не отдашь его корысти ради.
А он из бесконечной доброты
Готов остаться у тебя в закладе.

Он поручитель мой и твой должник.
Ты властью красоты своей жестокой
Преследуешь его, как ростовщик,
И мне грозишь судьбою одинокой.

Свою свободу отдал он в залог,
Но мне свободу возвратить не мог!

135

Недаром имя, данное мне, значит
«Желание». Желанием томим,
Молю тебя: возьми меня впридачу
Ко всем другим желаниям твоим.

Ужели ты, чья воля так безбрежна,
Не можешь для моей найти приют?
И, если есть желаньям отклик нежный,
Ужель мои ответа не найдут?

Как в полноводном вольном океане
Приют находят странники-дожди, –
Среди своих бесчисленных желаний
И моему пристанище найди.

Недобрым «нет» не причиняй мне боли.
Желанья все в твоей сольются воле.

587

136

Твоя душа противится свиданьям.
Но ты скажи ей, как меня зовут.
Меня прозвали «волей» иль «желаньем»,
А воле есть в любой душе приют.

Она твоей души наполнит недра
Собой одной и множествами воль.
А в тех делах, где счет ведется щедро,
Число один – не более, чем ноль.

Пусть я ничто во множестве несметном,
Но для тебя останусь я одним.
Для всех других я буду незаметным,
Но пусть тобою буду я ценим.

Ты полюби сперва мое прозвание.
Тогда меня полюбишь. Я – желанье!

137

Любовь слепа и нас лишает глаз.
Они не видят правды в свете ясном.
Я знаю красоту, но каждый раз
Считаю недостойное прекрасным.

И если взгляды сердце завели
И якорь бросили в такие воды,
Где многие проходят корабли, –
Зачем ему ты не даешь свободы?

Как сердцу моему проезжий двор
Казаться мог усадьбою счастливой?
Но всё, что видел, отрицал мой взор,
Подкрашивая правдой облик лживый.

Правдивый свет мне заменила тьма,
И ложь меня объяла, как чума.

138

Когда клянешься мне, что вся ты сплошь
Служить достойна правды образцом,
Я верю, хоть и вижу, как ты лжешь,
Вообразив меня слепым юнцом.

Польщенный тем, что я еще могу
Казаться юным правде вопреки,
Я сам себе в своем тщеславье лгу,
И оба мы от правды далеки.

Не скажешь ты, что солгала мне вновь,
И мне признать свой возраст смысла нет.
Доверьем мнимым держится любовь,
А старость, полюбив, стыдится лет.

Я лгу тебе, ты лжешь невольно мне,
И, кажется, довольны мы вполне!

139

Оправдывать меня не принуждай
Твою несправедливость и обман.
Уж лучше силу силой побеждай,
Но хитростью не наноси мне ран.

Люби другого, но в минуты встреч
Ты от меня ресниц не отводи.
Зачем хитрить? Твой взгляд – разящий меч,
И нет брони на любящей груди.

Сама ты знаешь силу глаз твоих,
И, может статься, взоры отводя,
Ты убивать готовишься других,
Меня из милосердия щадя.

О, не щади! Пускай прямой твой взгляд
Убьет меня, – я смерти буду рад.

140

Будь так умна, как зла. Не размыкай
Зажатых уст моей душевной боли:
Не то страданья, хлынув через край,

Заговорят внезапно поневоле.

Хоть ты меня не любишь, обмани
Меня поддельной, мнимую любовью.
Кто доживает считанные дни,
Ждет от врачей надежды на здоровье.

Презрением ты с ума меня сведешь
И вынудишь молчание нарушить.
А злоречивый свет любую ложь,
Любой безумный бред готов подслушать.

Чтоб избежать позорного клейма,
Криви душой, а с виду будь пряма!

141

Мои глаза в тебя не влюблены –
Они твои пороки видят ясно,
А сердце ни одной твоей вины
Не видит и с глазами не согласно.

Ушей твоя не услаждает речь.
Твой голос, взор и рук твоих касанье
Отдельно не могли меня увлечь
На праздник слуха, зренья, осязанья.

И всё же внешним чувствам не дано –
Ни всем пяти, ни каждому отдельно –
Уверить сердце бедное одно,
Что это рабство для него смертельно.

В своем несчастье одному я рад,
Что ты – мой грех и ты – мой вечный ад.

590

142

Любовь – мой грех, и гнев твой справедлив.
Ты не прощаешь моего порока.
Но наши преступления сравни,
Моей любви не бросишь ты упрека.

Или поймешь, что не твои уста
Изобличать меня имеют право.
Осквернена давно их красота
Изменой, ложью, клятвою лукавой.

Грешнее ли моя любовь твоей?

Пусть я люблю тебя, а ты другого,
Но ты меня в несчастье пожалей,
Чтоб свет тебя не осудил сурово.

А если жалость спит в твоей груди,
То и сама ты жалости не жди!

143

Нередко для того, чтобы поймать
Шальную курицу иль петуха,
Ребенка наземь опускает мать,
К его мольбам и жалобам глуха,

И тщетно гонится за беглецом,
Который, шею вытянув вперед
И трепеща перед ее лицом,
Передохнуть хозяйке не дает.

Так ты меня покинула, мой друг,
Гонясь за тем, что убегает прочь,
Я, как дитя, ищу тебя вокруг,
Зову тебя, терзаясь день и ночь.

Скорей мечту крылатую лови
И возвратись к покинутой любви.

591

144

На радость и печаль, по воле рока,
Два друга, две любви владеют мной:
Мужчина светлокудрый, светлоокий
И женщина, в чьих взорах мрак ночной.

Чтобы меня низвергнуть в ад кромешный,
Стремится демон ангела прельстить,
Увлечь его своей красою грешной
И в дьявола соблазном превратить.

Не знаю я, следя за их борьбою,
Кто победит, но доброго не жду.
Мои друзья – друзья между собою,
И я боюсь, что ангел мой в аду.

Но там ли он, – об этом знать я буду,
Когда извергнут будет он оттуда.

145

«Я ненавижу» – вот слова,
Что с милых уст ее на-днях
Сорвались в гнев. Но едва
Она заметила мой страх, –

Как придержала язычок,
Который мне до этих пор
Шептал то ласку, то упрек,
А не жестокий приговор.

«Я ненавижу», – присмирив,
Уста промолвили, а взгляд
Уже сменил на милость гнев,
И ночь с небес умчалась в ад.

«Я ненавижу», – но тотчас
Она добавила: «Не вас!»

592

146

Моя душа, ядро земли греховной,
Мятежным силам отдаваясь в плен,
Ты изнываешь от нужды духовной
И тратишься на роспись внешних стен.

Недолгий гость, зачем такие средства
Расходуешь на свой наемный дом, –
Чтобы слепым червям отдать в наследство
Имущество, добытое трудом?

Расти, душа, и насыщайся вволю,
Копи свой клад за счет бегущих дней
И, лучшую приобретая долю,
Живи богаче, внешне победней.

Над смертью властвуй в жизни быстротечной,
И смерть умрет, а ты пребудешь вечно.

147

Любовь – недуг. Моя душа больна
Томительной неутолимой жаждой.
Того же яда требует она,
Который отравил ее однажды.

Мой разум-врач любовь мою
Она отвергла травы и коренья,
И бедный лекарь выбился из сил

И нас покинул, потеряв терпенье.

Отныне мой недуг неизлечим.
Душа ни в чем покоя не находит.
Покинутые разумом моим,
И чувства и слова по воле бродят.

И долго мне, лишенному ума,
Казался раем ад, а светом – тьма!

593

148

О, как любовь мой изменила глаз!
Расходится с действительностью зренье.
Или настолько разум мой угас,
Что отрицает зримые явленья?

Коль хорошо, что нравится глазам, —
То как же мир со мною несогласен?
А если нет, – признать я должен сам,
Что взор любви не верен и не ясен.

Кто прав: весь мир иль мой влюбленный взор?
Но любящим смотреть мешают слезы.
Подчас и солнце слепнет до тех пор,
Пока всё небо не омоют грозы.

Любовь хитра, – нужны ей слез ручьи,
Чтоб утаить от глаз грехи свои!

149

Ты говоришь, что нет любви во мне.
Но разве я, ведя войну с тобою,
Не на твоей воюю стороне
И не сдаю оружия без боя?

Вступал ли я в союз с твоим врагом?
Люблю ли тех, кого ты ненавидишь?
И разве не виню себя кругом,
Когда меня напрасно ты обидишь?

Какой заслугой я горжусь своей,
Чтобы считать позором униженье?
Твой грех мне добродетели милей,
Мой приговор – ресниц твоих движенье.

В твоей вражде понятно мне одно:

Ты любишь зрячих, – я ослеп давно.

594

150

Откуда столько силы ты берешь,
Чтоб властвовать в бессилье надо мной?
Я собственным глазам внушаю ложь,
Клянусь им, что не светел свет дневной.

Так бесконечны обольщенья зла,
Уверенность и власть греховных сил,
Что я, прощая грешные дела,
Твой грех, как добродетель, полюбил.

Все, что вражду питало бы в другом,
Питает нежность у меня в груди.
Люблю я то, что все клянут кругом,
Но ты меня со всеми не суди.

Особенной любви достоин тот,
Кто недостойной душу отдает.

151

Не знает юность совести упреков,
Как и любовь, хоть совесть – дочь любви,
И ты не обличай моих пороков
Или себя к ответу призови.

Тобою предан, я себя всецело
Страстям простым и грубым предаю:
Мой дух лукаво соблазняет тело,
И плоть победу празднует свою.

При имени твоём она стремится
На цель своих желаний указать,
Встает, как раб перед своей царицей.
Чтобы упасть у ног её опять.

Кто знал в любви паденья и подъемы,
Тому глубины совести знакомы

595

152

Я знаю, что грешна моя любовь,
Но ты в двойном предательстве виновна,
Забыв обет супружеский и вновь
Нарушив клятву верности любовной.

Но есть ли у меня на то права,
Чтоб упрекать тебя в двойной измене?
Признаться, сам я совершил не два,
А целых двадцать клятвопреступлений.

Я клялся в доброте твоей не раз,
В твоей любви и верности глубокой.
Я ослеплял зрачки пристрастных глаз,
Дабы не видеть твоего порока.

Я клялся: ты правдива и чиста, –
И черной ложью осквернил уста.

153

Бог Купидон дремал в тиши лесной,
А нимфа юная у Купидона
Взяла горящий факел смоляной
И опустила в ручеек студень.

Огонь погас, а в ручейке вода
Нагрелась, забурлила, закипела.
И вот больные сходятся туда
Лечить купаньем немощное тело.

А между тем любви лукавый бог
Добыл огонь из глаз моей подруги
И сердце мне для опыта поджег.
О, как с тех пор томят меня недуги!

Но исцелить их может не ручей,
А тот же яд – огонь ее очей.

596

154

Божок любви под деревом прилег,
Швырнув на землю факел свой горящий.
Увидев, что уснул коварный бог,
Решились нимфы выбежать из чащи.

Одна из них приблизилась к огню,
Который девам бед наделал много,
И в воду окунула головню,

Обезоружив дремлющего бога.

Вода потока стала горячей.

Она лечила многие недуги.

И я ходил капаться в тот ручей,

Чтоб излечиться от любви к подруге,

Любовь нагрела воду, – но вода

Любви не охлаждала никогда!

649

СОНЕТЫ

Сборник 154 сонетов Шекспира был впервые издан в 1609 г. под заглавием: *Сонеты Шекспира, никогда раньше не печатавшиеся*. Хотя текст этот в общем весьма удовлетворителен, он все же был напечатан без авторского наблюдения, потому что в нем встречаются явные ошибки. Так, например, № 126 был включен в сборник, невидимому, по ошибке, так как это не сонет; в сонете 146 испорчена 2-я строка (в печатаемом нами переводе она восстановлена предположительно), а в сонете 96 «посыл» (две последние строки) оказался, как думают, утраченным и был заменен повторением послыла сонета 36.

Хотя ряд критиков того времени восторженно отзывался о сонетах Шекспира, они не были, невидимому, очень популярны, так как второе издание их было выпущено только в 1640 г., без каких-либо текстологических улучшений.

Вопрос о датировке Сонетов тесно связан с проблемой отождествления лица, которому они, в несколько необычной форме, были посвящены. Именно, в самом начале первого издания перед текстом сонетов напечатано такое посвящение: «Единственному виновнику нижеследующих сонетов, мистеру W. H., всякого счастья и бессмертия, обещанного нашим вечно живущим поэтом, желает доброжелательный предприниматель этого издания Т. Т.». Последние инициалы были с легкостью расшифрованы: Т. Т. – это Томас Торп, довольно известный издатель того времени. Но разгадка инициалов W. H. представляет большие трудности. Прежде всего, неясно употребленное Торпом выражение «виновник» (*begetter*, буквально – тот, кто породил это произведение, тот, кому оно обязано своим возникновением). Его можно понимать как в значении «автор», так и в значении «вдохновитель». Шекспирологи довольно единодушно сходятся на втором толковании, дающем явно лучший смысл: W. H. – тот самый «друг» Шекспира, который воспет в этих сонетах и который явился виновником душевных волнений, нашедших в них свое выражение. Весьма возможно, что издатель не просто пожелал информировать читателя об отношениях между Шекспиром и W. H. только потому, что был о них осведомлен, но

что он выполнил волю поэта, пожелавшего придать своему посвящению такую замаскированную Форму.

Существует очень много гипотез относительно того, чье имя скрыто под инициалами W. H. Если отбросить ряд совсем Фантастических отождествлений, сколько-нибудь правдоподобными кандидатами остаются лишь два лица: одно из них – Генри Райотсли (Henry Wriothesley), граф Соутемптон, известный друг и покровитель Шекспира, которому посвящены обе его поэмы; и

650

другое – Вильям Герберт (William Herbert), граф Пемброк, которому через семь лет после смерти Шекспира издатели *F₁* посвятили свой труд, упомянув при этом о «большой благожелательности» его и его брата к покойному драматургу. Вопрос этот до сих пор не решен окончательно. Резюмируем вкратце доводы обеих сторон.

Сторонники кандидатуры Пемброка опираются, кроме ряда предполагаемых биографических намеков, на встречающееся в сонетах 135 и 136 имя «Билль», в котором они видят имя адресата сонетов. Аргумент этот лишен всякой силы, так как этим именем поэт здесь, вероятно, обозначает просто-напросто самого себя, играя двойным значением слова will – «Вильям» и «воля» и созвучием его со словом wish – «желание». Если бы «пемброкианцы» были правы, пришлось бы датировать сонеты сравнительно поздним временем. Между тем в первых своих сонетах Шекспир убеждает своего друга вступить в брак. Однако Пемброк родился в 1580 г.; следовательно, этот момент мог бы относиться лишь к самому концу 1590-х годов. В связи с тем, что скандальное увлечение Пемброка фрейлиной Елизаветы, весьма небезупречной в моральном отношении Мери Фиттон (которая будто бы и есть «черноволосая красавица» и «демон» сонетов), имело место в 1600–1601 гг., «пемброкианцы» считают, что сонеты были написаны в годы 1598–1601.

Слабым местом этой гипотезы является отсутствие каких-либо указаний на личное знакомство Шекспира с Пемброком. Напротив, сторонники Соутемптона опираются на вполне достоверный факт близости между ним и Шекспиром. Молодой граф Соутемптон (род. в 1573 г.) уже около 1595 г. был известен как покровитель поэзии. Один из хроникеров эпохи сообщает, что в 1599 г., живя в Лондоне, Соутемптон «только и делал, что ходил каждый день в театр». Трудность заключается в том, что до нас не дошло никаких сведений о каком-либо увлечении Соутемптона «черноволосой красавицей». Однако возможно, что это был лишь мелкий эпизод, значение которого Шекспир сильно преувеличил в своих сонетах. Что касается перестановки букв в посвящении (W. H. вместо H. W.), то в этом, говорят «соутемптонианцы», нет ничего удивительного, если допустить, что Шекспир хотел несколько замаскировать намек; а то, что он не желал делать своих интимных переживаний, отразившихся в сонетах,

достоянием широкой публики, довольно вероятно. Мерес в своей Сокровищнице Паллады (1598) говорит о «сахарных сонетах Шекспира», известных его «ближайшим друзьям». Это обстоятельство могло бы лучше всего объяснить позднее опубликование Сонетов.

Как бы то ни было, «соутемптоновская» гипотеза допускает более правдоподобную во многих отношениях датировку сонетов. Некоторые из них по стилю и образам еще очень близки к Венере и Адонису и Обещанной Лукреции. В 1598 г., как мы видели, они были уже довольно известны. Сборник Страстный пилигрим, изданный в 1599 г., содержит два сонета, входящие в цикл (138 и 144). Разгар увлечения сонетной Формой в Англии относится к 1594—1595 гг. Некоторые из шекспировских сонетов созвучны мотивам, встречающимся в Бесплодных усилиях любви, Ромео и Джульетте и других пьесах Шекспира, возникших в те же годы.

651

В конце концов, однако, и «соутемптоновская» гипотеза, построенная на очень зыбкой почве, наталкивается на ряд серьезных затруднений. Вопрос о W. H. не решен и, возможно, никогда не будет решен удовлетворительно образом.

Ничто не доказывает, но ничто также и не опровергает того, что сонет расположены в том самом порядке, в каком они были написаны. При большом богатстве содержания они, если принять наличное их расположение!!! могут быть условно разделены на три связанные между собою части. Первая часть, основная (сонеты 1—126), объединена одной мыслью. Это – прославление дружбы, которая сильнее всех прочих чувств. Любовь вступает в борьбу с дружбой, но в конце концов дружба побеждает, и поэт добровольно уступает другу свою возлюбленную. То, что дружба называется также «любовью» и трактуется в самых повышенных и пылких тонах, не представляет ничего удивительного, ибо экзальтированный культ дружбы – одна из излюбленных тем поэзии той эпохи. Вторая часть (сонеты 127—152) – возврат к мысли о возлюбленной. Третья (сонеты 153—154) – краткий эпилог с восхвалением любви.

Много споров вызвал вопрос о том, в какой мере сонеты Шекспира «автобиографичны», иначе говоря, в какой мере они могут считаться прямым выражением действительно пережитых им событий и чувств, а не являются данью условной поэтической манере того времени. Английская лирика второй половины XVI и начала XVII в., находясь под сильным влиянием лирики французской и отчасти итальянской, переживала период острого увлечения «петраркизмом». Течение это, захватившее в большей или меньшей степени поэзию почти всех европейских народов, заключалось в склонности изображать, в очень манерном и патетическом тоне, совершенно вымышленные ситуации, связанные преимущественно с темами любви, дружбы и т. п. В фразеологии и стиле сонетов Шекспира безусловно есть черты, роднящие их с этим течением. Примером может

служить хотя бы много раз повторяющаяся игра двойными значениями слов fair – «прекрасный, благородный» «белокурый», и black – 'черный, мрачный' и «черноволосый»; отсюда противопоставление: «белокурый друг— добрый гений» и «черноволосая соблазнительница – злой демон». Но в то же время сонетный цикл Шекспира отличается от господствующего типа английских сонетов эпохи несравненно болшей живостью и остротой мысли, а главное – драматизмом и теплотой чувства. При полном отсутствии документальных данных мы все же должны предположить (в согласии почти со всеми современными шекспириологами, что в сборнике своеобразно соединились «правда» и «вымысел», иначе говоря что в основе его лежат подлинные переживания Шекспира, но что в Форсе их выражения с огромной силой сказалось влияние сонетного стиля эпохи. с характерными для него чертами идеализации, гиперболизма и всякого рода поэтической ретирики.

Так или иначе, в вопросе об адресатах и объектах шекспировских сонетов для нас остается (и, вероятно, останется навсегда) много неясного. Мы не знаем, кто был тот другой поэт, соперник Шекспира, о котором говорит

652

в сонетах 80 и 86 (см. также сонеты 82—85); мы не убеждены в том, что, когда Шекспир говорит о своем «прекрасном друге» или о своей возлюбленной, он всякий раз имеет в виду одних и тех же лиц, а не нескольких друзей и возлюбленных, сменявших друг друга в его личной жизни или в его поэтическом воображении; иногда даже неясно, обращен ли тот или другой сонет к мужчине или к женщине (см. ниже, примечания к тексту сонетов). При таких условиях весь интерес сонетов сосредоточивается для нас не в их автобиографическом значении, а в полноте и художественности выражения содержащихся в них мыслей и чувств. Именно этим они выделяются из огромной массы прочих английских сонетов того времени.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ СОНЕТОВ¹

6, 4. Смысл: берегись, чтобы ты не состарился, не успев закрепить свою молодость в сыне.

15, 13—14. Смысл: пусть мои стихи побудят тебя, вступив в брак, возобновить свою жизнь в потомстве.

36, 14. Так как в английском языке прилагательные и притяжательные местоимения во всех родах имеют одно окончание, не вполне ясно, обращен ли этот сонет к женщине или же к мужчине, как думают многие комментаторы.

59. Многие комментаторы считают, что этот сонет также адресован не к возлюбленной, а к другу поэта.

96, 15—14. В подлиннике последнее двустишие этого сонета полностью совпадает с двустишием сонета 36.

99, 4. В подлиннике первая строфа этого сонета содержит 5 строк; с расположением рифм: ababa.

104, 2. Многие исследователи считают также и этот сонет (подобно следующему) адресованным к другу поэта.

107, 8. Намек на «оливковую ветвь» – символ мира.

109, 14. Сомнение вызывает адресат и этого сонета.

111. В этом сонете Шекспир говорит с горечью о своем ремесле актера и драматурга. Однако, по мнению некоторых комментаторов, он корит свою профессию не столько за то, что она «позорна» в глазах света, сколько за то, что, заставляя его постоянно думать о публике и стараться ей угождать, она лишает его общества друга. Надо иметь также в виду, что, поскольку нам совершенно неизвестна хронология отдельных сонетов, вполне возможно, что этот сонет был написан в первые годы работы Шекспира в театре, когда он еще не создал лучших, прославивших его произведений. Сказанное относится и к следующему сонету

653

117, 13—14. Смысл этого довольно трудного места: в оправдание себе я «кажу, что целью всех моих проступков было лишь дать тебе случай проявить снисходительность, показав, как верна твоя любовь ко мне.

122, 1. Таблицы – восковые таблички или пластинки, заменявшие в те времена записную книжку.

124, 13—14. Здесь, видимо, содержится намек на каких-то заговорщиков или политических деятелей, павших жертвою своих собственных козней.

125, 1—2. Поддерживать балдахин над головой короля почиталось большой честью.

126. Это стихотворение из 12 попарно рифмующихся строк – не сонет. Оно представляет собою так называемый *envoy* – «посылку», которою заключалась целая серия сонетов. В первом издании в конце стихотворения было оставлено место для двух строк.

127. Этот сонет и все последующие, до конца сборника, явно адресованы к женщине.

130. Этот сонет, как и два следующих, содержит игру двойным значением слова *fair*: 'морально прекрасный, благородный' и 'светловолосый'.

135, 1—2. В этом сонете, как и в следующем, содержится непереводимая игра слов: *Will* – уменьшительное от имени *William* (имя самого поэта) и *will* – 'желание', 'воля'.

138, 12. Человек под сорок лет, по понятиям того времени, считался уже «старым».

144, 3—4. Снова игра двойным значением слова *fair*.

143. Единственный из сонетов Шекспира, написанный
четырёхстопными ямбами.

ⁱ Первое число обозначает номер сонета, второе – строку или строки его.